

БЕРЕГ НАДЕЖДЫ

МЫ СТРЕМИМСЯ иногда одной фразой определить, чему посвящено то или иное произведение. Но в руслах умещаются лишь ручьи и реки, а роман, подобно морю или океану, в русло одной или нескольких тем вместить невозможно. Если это действительно роман...

Называя свое произведение романом, иной автор ориентируется лишь на количество страниц. А тут важно «количество» мыслей, характеров, судеб!

И все же, если попытаться кратко определить, о чем новый роман Юрия Бондарева «Берег», опубликованный в журнале «Наш современник» № 3, 4, 5, 1975 г.), можно сказать: он о войне и о завоеванном мире который надо сберечь во имя живых. И во имя тех, кто не вернулся с поля битвы...

На одном творческом обсуждении я, помнится, услышал, что среди летописцев минувших сражений Ю. Бондареву принадлежит «особое место». Но давно уже известно, что «особое место» принадлежит каждому свойствующему писателю, ибо свойство дарования именно в том, что оно всегда «особое», ни на какое другое не похожее.

Действие почти всех повестей и романов Юрия Бондарева и в самом деле разворачивается на плацдармах минувшей войны. И все же нельзя назвать его летописцем одного (пусть даже незабываемого, исторического) события. Как всякий большой писатель, он летописец жизни народной. Первой его целью является не воссоздание фактов (хотя воссозданы они высокоталантливо, мастерски), а фило-

софское осмысление событий, до основания потрясших планету. Война, как уже не раз говорилось, является для писателя и для всех переживших ее той вершиной напряжения сил, физических и нравственных, откуда ясно видны прошедшее и настоящее. И грядущее тоже...

Возвращаясь мысленно на «горячие снега» и выжженные травы своей фронтовой юности, главный герой романа, писатель Вадим Никитин, отчетливее видит сегодняшний и завтрашний дни мира. Точней оценивает события и дороги, ведущие к взаимопониманию, к сближению между народами и государствами, а стало быть, к невозможности повторения того, что он и его товарищи по оружию вынесли. Хотя вынести это можно было только ценой неимоверного напряжения и невиданных жертв.

Память возвращает Никитина к последним битвам Великой Отечественной войны — к битвам решающим и очень драматичным, ибо пасть на пороге победы, быть может, горше, страшнее, чем в те дни и ночи, когда последние залпы казались далекой мечтой.

Так погибает Андрей Князко, двадцатилетний офицер, в душе которого война не убила, а, напротив, возбудила, вызвала к активной жизни все истинно человеческое. Гром сражений не оглушил его, дым не застал его глаза. — и он даже в ту пору старался отличать убежденных фашистов от тех, кто был обманут и предан... Он шел, как спаситель, к немецким подросткам, наскоро одетым в военную форму в мае сорок пятого года. Но пули эсэсовца преградили ему дорогу. Не в

немцах видел он врагов, а в нацистах.

И сам Вадим Никитин видит и чувствует именно так. Иначе не вспыхнула бы в нем любовь к немецкой девушке Эмме. Эта любовь, пылкая и романтическая, была, мне кажется, для Никитина первой приметой будущего мира.

Однако ничто — ни победа, ни поражение — не могут сделать людей одинаковыми. Во всем, что происходит, люди проявляют себя индивидуально, подчиняясь движению характера и душевным качествам. Не одни Андрей Князко и Вадимы Никитины проявляли на войне мужество. Смелым был и сержант Меженкин... Но нравственность его, однако, не была на уровне его воинской смелости. Ему казалось, что есть некие вечные законы войны, позволяющие победителю совершать недоуздочное. Меженкин не понял, что и в мирное время и на войне законы морали едины и едвали не первый их параграф провозглашает, как незыблемые категории, — воинствующий гуманизм, непримиримость к жестокости. Страстный и горестный призыв военной поры: «Кровь за кровь! Смерть за смерть!» — не был призывом к мести и расправе, а был призывом к справедливости, к возмездию, ибо накалывал оружие советского воина не в немецкий народ, а в фашизм.

Нередко воина — победителя изображали так, что его лицом выглядело его оружие. И вдруг — победитель с девочкой на руках. Он прижал к сердцу дочь побежденной страны. Этот памятник в Треп-

тов-парке олицетворяет гуманизм нашей армии.

Да, я вижу и Андрея Князко на вечном, пержающем пьедестале, но от этого память о нем не перестает быть памятью о живом человеке. Больше того: памятник в Трептов-парке — это прежде всего памятник именно человеческим качествам солдата-освободителя, его доброте, бескорыстию, его благородству.

ДУМАЮ, каждый, кто будет откликаться на роман Ю. Бондарева, непременно вспомнит слова, которые являются как бы «берегом» всего произведения: словами, этими завершается роман. Никитин как бы плыл, приближался «к тому берегу, зеленому, обетованному, солнечному, который обещал ему всю жизнь впереди».

Можно, конечно, сказать, что тот обетованный берег — это великая наша Победа. Но Никитин понимает: завоевав ее, надо еще утвердить доброе доверие между странами и людьми, без которого мир всегда пол угрозы. Надежда и на эту победу одухотворяет его.

Случилось так, что Никитин вместе со своим коллегой, писателем Самсоновым, отправляется в капиталистическую страну, на земле которой некогда воевал. Вернее сказать, отправляются они в путь друзьями, а возвращаются просто коллегами.

Никитин проявляет свою ищущую натуру не только в литературном труде, но и во всем, что он делает. Ему не может быть понятна бескрылая заученность фраз и поступков Самсонова. Пристально, творчески исследует Никитин чуждый ему мир, где товаром, объектом бесстыдной купли-продажи стали не только вещи, но и люди.

Я говорил вначале, что во всех своих произведениях Ю. Бондарев выступает художником-философом, которому чужды однозначные характеры, схематичные построения. Но «Берег», как уже отмеча-

лось, пожалуй, наиболее сложный и многоплановый роман писателя. Естественны поэтому споры вокруг него, столкновения разных мнений. Мне хочется сказать о том, что делало, на мой взгляд, «Берег» крупным литературным явлением последнего времени.

Устами Вадима Никитина Ю. Бондарев ведет непримиримый идеологический бой с защитниками и воспевателями чистоганного мировоззрения. В то же время он стремится найти в чем-то общий язык с теми, кто говорит и мыслит на ином языке. Это самое «что-то» — желание, чтобы окопы заросли травой навсегда... И еще ненависть к войне, которую фашизм превратил в главное орудие своей варварской политики. И еще убежденность в том, что любые противоречия должны разрешаться голосом дискуссий, а не голосом войны — горячей или холодной.

Много можно было бы сказать о языке Юрия Бондарева... Он относится к слову, как хирург к скальпелю, как пилот к своему штурвалу: они знают, что малейшая неточность — и вместо выздоровления наступит смерть, а вместо счастливого приземления — катастрофа. Неточное обращение со словом, тоже грозит бедой... Бедой для произведения, для авторского замысла. Ю. Бондарев одержимо ищет и находит единственно возможное слово, единственно возможную фразу. Мы говорим, что язык — это строительный материал литературы. Здание бондаревского романа будет стоять долго и прочно, ибо сооружено из первоклассного, добротного материала.

«Берег» — это глубокий и масштабный роман философских раздумий, роман-обличение, роман-призыв. Призыв к миру и человечности, ибо ради этого главные герои Ю. Бондарева и он сам, сражавшийся под Сталинградом, не жалеги своей молодости, своей крови и своей жизни.

Анатолий АЛЕКСИН.